

Е Тао, не оказывая сопротивления, позволил вынести себя из кухни, внутренне вздыхая. Слишком слаб, выглядел он сейчас как маленькая птичка, которая, сколько бы ни махала крыльями, никого не впечатляет.

Чжоу Цзыцянь посадил Е Тао на диван и подал ему небольшой глоток вина, мягко уговаривая:

— Выпей немного, успокойся, не порть себе здоровье.

— Зачем мне? Это твое вино, ты и хотел пить, — Е Тао не принял бокал, холодно взглянув на бутылку на столе и подняв острый подбородок. — Пей, до последней капли, а потом сам поезжай в больницу. Желаю тебе счастливого пути.

Все, дядя Е действительно разозлился! Баобао, ругая в душе своего дядю за его выходки, подошел к Е Тао, желая притвориться испуганным, понуть и разрядить обстановку. Что поделаешь, ведь это его дядя? Нельзя же позволить ему допить до язвы? Да и дядя Е, если разозлится, тоже будет жалко.

— Иди играй, — не дал Е Тао шанса Баобао. Едва тот положил лапки на его колени, он оттолкнул его.

Баобао взглянул на дядю и подумал:

«Сам справляйся, племянник бессилен.»

Снова с тяжелым сердцем отошел.

Чжоу Цзыцянь выпил вино, поставил пустой бокал и встал на одно колено перед Е Тао. Е Тао смотрел на него сверху вниз, заметив в его глазах необычный блеск, делающий и без того красивые глаза еще более глубокими и притягательными. Е Тао снова услышал стук сердца, не такой сильный, как во время поцелуя, но все же напоминающий ему о факте, который он отказывался признать. Е Тао внутренне усмехнулся, обращаясь к своему сердцу:

«Я злюсь, так что давай договоримся, не кричи, как сильно он тебе нравится».

Чжоу Цзыцянь долго смотрел на лицо Е Тао, затем наклонился и прошептал ему на ухо:

— Дорогой, ты возбуждился.

Е Тао засмеялся. Сам не мог понять, смеялся ли он от злости или от отчаяния, но точно не от смущения. У него была реакция еще на кухне, но он не считал это чем-то постыдным. Он был геем, перед ним был мужчина, который ему нравился, и если бы такой страстный поцелуй не вызвал никакой реакции, то ему стоило бы проверить, не повлияли ли лекарства на его развитие.

— Чему смеешься? — Чжоу Цзыцянь не ожидал, что его слова вызовут смех, и не видел в них ничего смешного.

— Не знаю, наверное, ты меня достал, — Е Тао, смеясь, вздохнул и поднял руку, чтобы подержать подбородок Чжоу Цзыцяня. Его рука, более изящная, чем у женщины, держала мужественный и сексуальный подбородок мужчины, покачивая его. — Говори, дорогой, чего ты хочешь?

— А ты как думаешь?

Чжоу Цзыцянь, стоя на одном колене перед Е Тао, словно искренне признавался в любви, но его выражение лица не имело ничего общего с нежностью, даже казалось жестким. Его грудь словно пронзила мягкая, прозрачная рука, касаясь самого чувствительного места, вызывая невыносимый зуд. Он думал, что любит мягкого и заботливого Е Тао, который дарит ему покой, но оказалось, что это не так. Он любит зрелого мужчину.

Чжоу Цзыцянь был в противоречии. Ему не нужны были ум и крылья Е Тао, но именно они привлекали его и заставляли сердце биться быстрее. Если бы он лишил их Е Тао, ему было бы жаль, но если бы не лишил, смог бы он получить его? Цельный Е Тао не нуждался в опоре, он мог в любой момент расправить крылья и улететь, и это чувство невозможности контролировать его было ужасным.

— Не заставляй меня говорить. Если бы ты не давил, я бы даже не думал об этом.

Е Тао устал скрывать и решил быть откровенным.

На самом деле, оба уже все понимали, и продолжение разговора только усугубило бы неловкость Чжоу Цзыцяня, но именно он продолжил тему, произнеся с некоторой заминкой:

— Говори.

— Если даже мои мысли тебя расстраивают, то что будет, если я скажу это вслух? — Е Тао смотрел на Чжоу Цзыцяня, как на любимого ребенка, но этот ребенок был далек от доброты и послушания. Он был трудным ребенком, поэтому в нежном взгляде Е Тао была и доля сожаления.

— Если тебе неприятно, ты перестанешь думать? Я могу контролировать твои мысли? — Чжоу Цзыцянь невольно нахмурился, не из-за Е Тао, а из-за внутреннего раздражения.

Е Тао тихо вздохнул, поглаживая нахмуренный лоб Чжоу Цзыцяня, и сказал то, что было у него на сердце:

— Ты мне нравишься, поэтому я не хочу думать о тебе плохо. Я говорил себе, что ты не эгоист, просто не умеешь думать о других. Многие такие, ты не исключение. Но ты продолжал давить, не оставляя мне места для самообмана, и я вынужден был признать, что ты эгоистичен, готов ради своего желания пойти на все, не думая о других. Если я не даю, ты не останавливаешься, говоришь, что любишь, но на самом деле никогда не думал обо мне.

— То, что нельзя получить, становится самым желанным, и ты не можешь забыть, даже злишься. Это ты увидел на примере Ань Чэнсюаня, который преследовал тебя так долго, что ты хорошо это понял. Ты боишься стать таким же, поэтому хочешь сначала получить желаемое, а обо всем остальном подумает позже. Возможно, получив, ты перестанешь быть одержимым, и это больше не будет тебя привлекать, и тогда не придется думать о будущем.

Слова Е Тао были неприятны для Чжоу Цзыцяня, и он сам говорил то, что ранило. Он не хотел так думать о человеке, который ему нравился, но факты были налицо, и спорить было бесполезно.

Чжоу Цзыцянь всегда знал, что Е Тао умный, и предполагал, что его мысли будут раскрыты, но одно дело — молчаливое понимание, а другое — услышать от любимого человека, насколько он плох. Он встал, сел рядом с Е Тао, подпер голову рукой и вздохнул:

— Почему ты не можешь быть глупее?

Это не было упреком, он просто не хотел, чтобы Е Тао видел, каким эгоистичным негодяем он был.

— Не нужно быть очень умным, даже подросток поймет. Старший брат умер, младший стал единственным сыном, и теперь на нем ответственность за семью и карьеру. Ты, такой здравомыслящий, не станешь разочаровывать отца ради мужчины с сомнительным статусом, разрушая свою семью и жизнь. Ты не сделаешь этого, поэтому с самого начала не думал о будущем со мной. Даже если я соглашусь быть с тобой, у нас не будет будущего.

Е Тао не мог сдержать вздоха, чувствуя странный привкус в душе.

— Я знал это с самого начала, но все равно ты мне нравишься. Ты все еще считаешь меня умным?

Чжоу Цзыцянь поднял голову и посмотрел на Е Тао. Самоирония на его губах и печаль в глазах были как острый кинжал, пронзивший его грудь и вызвавший невыносимую боль. Он не хотел причинять Е Тао боль, но с самого начала сделал это.

Чжоу Цзыцянь наклонился и обнял Е Тао. Его крупное тело, широкие плечи и спина делали Е Тао таким хрупким на его фоне, но теперь он прижался к шее Е Тао, словно надеясь, что тот обнимет его, и из объятий Е Тао раздался голос, полный раскаяния:

— Прости.

Е Тао нежно погладил волосы мужчины, но его взгляд был рассеян, словно он смотрел в никуда, но не потому, что что-то видел, а просто бессознательно устремился в пространство, как облака, развеянные ветром, немного разрозненные, немного потерянные. Казалось, он о чем-то думал, а может, и нет.

Они долго сидели в объятиях, чувствуя смесь эмоций: раскаяние, сожаление, смятение, растерянность, но ни капли сладости, которую приносит любовь. Возможно, сама любовь — не самое лучшее чувство. Она делает умных людей глупыми, спокойных — импульсивными, уверенных — растерянными. Она создает бесчисленных влюбленных, которые радуются и страдают из-за нее, даже готовы умереть. Конечно, есть и те, кто находят в ней счастье и удовлетворение, но как долго это длится? Как только жар, вызванный дофамином, проходит, даже самая страстная любовь становится обыденной и превращается в родственные чувства.

Но что толку понимать это? Понимание не защищает от влияния, что должно случиться, случится, хотим мы этого или нет. Оно так зловеще и так невинно, вызывая как надежду, так и отторжение.

<http://bllate.org/book/17687/1650268>